

Слово при погребении игумении Переславского Фёдоровского монастыря

Что возопию? (Ис. 40, 6.)

с. 657

Почему ты, мать Игумения, избрала ныне для себя новое место в храме Божиим? Мы привыкли видеть тебя молящуюся на настоятельском месте; а оно ныне оставалось пустым. Мы всегда видели тебя, благоговейно молящуюся за службою церковною; а ныне видим тебя во гробе лежащую. Вот и литургия отошла: бывало, видишь тебя ласковою, приветливою, доброю, обращающею любовь ко всем окружающим тебя; а ныне запечатлены твои уста, и не вымолвят они слова любви и искренней приветливости, угасли твои очи, мертва твоя рука, осенявшая тебя крестным знамением. Собрала ты нас не для беседы с тобою, не на радость, а для надгробного рыдания. Не в настоятельскую келлию будем провожать тебя, а в страну дальнюю, неведомую; не на короткое время расстанемся с тобой, а надолго, и здесь, на земле, навсегда: положат гроб твой в сырую землю, заруют в ней, — и не увидимся мы с тобой до последней трубы Архангеловой, до всеобщего воскресения мёртвых. О, смерти, koliko горька еси! Сколько отнимаешь ты у нас радостей, самых чистых и возжеланных! Сколько, напротив, скорби и печали оставляешь ты после себя! Вот гроб настоятельницы, скончавшейся в старости маститой; но разве лишним было бы для оставшихся её опытное, назидательное слово, её добрая искренняя приветливость, её усердная, продолжительная, искренняя молитва за других? Но нет, смерть не разбирает наших отношений, как бы они ни были дороги нам, — и беспощадно собирает свою жатву. Она велит нам учиться не у живых только, но и умерших, — указывает нам брать уроки и от гробов, и от тления и разрушения.

с. 658

Что же возопию к тебе, осиротелая обитель, — к вам, сёстры, оставшиеся без настоятельницы? Вы лишились лучшей матери, которая 30 лет, яко же кокошь собирает птенцы своя под крыле, собирала вас в эту обитель, успокаивала вас, входила в ваши нужды и скорби, за вас за всех думала, вас всех руководила в духовной жизни. Жили вы за ней, как не живут часто и за родной матерью: всё у вас было мирно, тихо; никто не нарушал покоя жития иноческого. *Что возопию* к вам, когда ваша настоятельница безмолвствует? *Возопий*, внушает Господь чрез пророка, — *всяка плоть сено, и всяка слава человека, яко цвет травный*. Не новая эта истина; но её невольно внушает хладный и безмолвный гроб. «Смотрите на меня, как бы так взывает к нам усопшая из гроба, — познайте, что всё земное только до могилы. Видите, как немного нужно земного человеку для переселения в вечность: для тела нужен только гроб, для гроба — малая часть земли! И это немного, и это тело и этот гроб истлеют, смешаются с перстиею земной. Одна душа не умрёт: она с своими делами предстанет на суд Божий!» Стоят ли, после сего, наши попечения о земном счастье и благополучии временном, стоят ли стольких забот и трудов, когда всё земное представляет в конце одно лишь ничтожество? Вечна одна душа; прочна одна забота о воспитании себя по духу и учению Христову: одно это есть сокровище, не оскудеваемое и в жизни вечной.

с. 659

Что возопию? Гроб приснопамятной настоятельницы особенно внятно вещает нам: *и вы убо будите готови: яко в он же час не мните, Сын человеческий приидет*. Почившая в Бозе всегда помышляла о часе смертном и готовилась к нему; но он подошёл к ней так быстро, как ни она сама, ни другие, окружающие её, не ожидали. Здесь мало сказать: *вчерашний день беседовала я с вами — и внезапно найде на мя страшный час смертный*. Надобно говорить: «за несколько минут я беседовала, и не с вами только, но пребывала в молитвенной беседе

с. 660 с Богом, и внезапно найде на мя час смертный». Сама она пришла в храм Божий, помолилась за божественную службу, пришла в свою келлию, беседовала, размышляла, собиралась, отдохнувши, опять стать на молитву, опять идти к божественной службе — и вот несколько мгновений... прекратилось её дыхание, остановилось кровообращение, помертвело тело, — и тихо, мирно, без всяких страданий душа её перешла в другую жизнь на служение Богу в небесных обителях. Так, братие и сёстры, никому нельзя ручаться и за одну минуту своей жизни. *Страшное таинство смерти старцы взимают, учителя, епископы и пастыри тлит! Будите убо всегда готови к переходу в другой мир, где Судия всех человеков потребует от нас отчёта в проведённой нами настоящей жизни.*

Сие вопиет нам предлежащий гроб. Что мы вопием о нём самом? Почившая сходит во гроб, яко пшеница пожатая. Жизнь её была непрерывным благочестивым подвигом. Десяти лет взошла она в монастырь в нужде и бедности, и с тех пор 72 года жила в обители иноческой; из них 35 лет в полном монашеском образе и 30 лет в сане настоятельницы. Вступила она в управление настоящею обителию и нашла её бедною, неустроенною: даже в храмах божиих не было удобств для продолжительных иноческих молений. В её время, при её неусыпных заботах и попечениях совершенно обновилась обитель сия, и святые храмы стали благоустроенными, украшенными. Её же заботами и попечением устроена больница для бедных и страждущих, устроены добрые приюты для многих, не имущих крова. Время её настоятельства, можно без преувеличения сказать, было временем процветания иноческой обители во всех её отношениях. Говорить ли о её благочестивых подвигах молитвенных? Это — дела души и совести, подобные сокровищу, скрытому в тайном месте; это — царство Божие: оно не является открыто, но содержится внутри; и мы, конечно, знать можем только малую часть из подвигов усопшей, — знаем то, чего нельзя было скрыть. И однако ж это небольшое, нами известное, какое представляет из себя прекрасное древо, цветущее христианскими добродетелями? Её постничество, по его строгости, должно возбуждать справедливое удивление: при своих преклонных летах, при оскудевающей крепости сил, она например, во время пощения некоторые дни совсем проводила без пищи, или довольствовалась малым укрухом простого хлеба. А её молитва, её каждодневное пребывание в храме Божиим при всех службах церковных составляли насущную духовную пищу, без которой она жить не могла. С трудомдвигающаяся в своей келлии, болезненная, иной раз проведшая всю ночь без сна от страданий телесных, она, несмотря ни на какие увещания и предосторожности, с бодрым духом шла в церковь — и здесь строго и точно выстаивала все службы церковные, предаваясь молитвенному излиянию своей души. «Тот и день не светел, а похож на ночь, — говорила она, — когда в церкви не побываешь!» И Господь воззвал её душу прямо с молитвенного подвига. В тот день помолилась она в церкви, приложилась к святым иконам — и, напутствовав себя молитвенным подвигом — собралась в далёкий путь. Её преданность воле Божией, её вера в Господа Иисуса Христа, поддерживавшая её во всех обстоятельствах жизни — могут сравниться с верою самых твёрдых исповедников. Никакое учение человеческое, никакое мудрование со стороны мира, которое приходилось ей иногда слышать от посещавших её, не могли ни на одно мгновение поколебать её здравого, православного исповедания христианского. Сия вера поддерживала её во всех немощах плоти и давала силу её духу; она помогла сохранить ей полное сознание и мирный покой её души до последнего её дыхания. Мы сами были у неё за несколько минут до её смерти — и видели её: молитва не сходила с её уст; при нас она осеняла себя несколько раз крестным знаменем; при нас она произносила животворящее имя Господа Иисуса Христа — и час смертный застал её в этом благоговейном молитвенном настроении. О, воистину это кончина праведная, кончина блаженная, кончина христианская!

Но время отдать и последнее надгробное пение и сотворить последнее целование усопшей. Веруем, дорогая наша приснопоминаемая мать, что Господь по безмерному милосердию своему, воздающий за каждую слезу, пролитую Его ради, за каждый молитвенный вздох, за каждое дело, сделанное во имя Его, воздаст тебе праведным воздаянием за твою постоянно-твёрдую веру в Него, за всегдашнюю любовь к Нему, — и не лишит тебя небесного своего царствия. Ты избрала Его женихом своим с самой ранней юности, и верно служила Ему в течение всей своей жизни. Ты считала самыми лучшими, самыми блаженными днями те дни, в которые соединялась с Господом в святом таинстве причащения Тела и Крови Его. Ты служила образцом благоговейного приготовления к сему святейшему Таинству. Когда по немощи плоти и болезненности побуждали тебя принять святое причащение, ты в благоговейном страхе говорила: «Как я, неприготовленная, не постившаяся, приму Его, Святейшего Господа? Вот я поприго-

с. 663

товлюсь к принятию Его Чистейшего!» Веруем, что ты верная раба Его, войдёшь в радость Господа своего: *блажен путь, в онже идеши!* Ты и здесь после себя оставляешь самую добрую священную память. Устроенная, украшенная твоими попечениями обитель сия никогда не забудет тебя в своих молитвах.

Прими и от нас, священнослужащих в сей святой обители, добрая наша мать, нашу искреннюю, благодарную память! Ты всегда питала самое глубокое уважение к священному сану; мы жили с тобою, как лучшею матерью, — и не было у нас с тобою никаких пререканий: так всё было мирно и покойно с тобою! Мы будем молиться о упокоении души твоей, доколе живы, самую искреннюю молитвою. Сёстры обители сей! почтите вашу мать, попечительницу о вашем спасении: не забывайте творить доброе воспоминание о ней в молитвах ваших — и церковных и домашних! Она всех вас любила самую искреннею любовью, и сама помянет вас во царствии Отца небесного. Аминь.

Игуменья Максимилла возглавляла монастырь с 1845 года, скончалась 20 мая 1874 года в Духов день. — *Ред.*